

Норма поведения русского морского офицера на рубеже XVIII–XIX веков: правительственные предписания и требования общества к своим членам*

Е.М. Лупанова

(Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Наблюдения социологов показали, что общество склонно создавать различные стереотипы идеального поведения индивида (нормы) на разных уровнях. Семья, трудовой коллектив, государство и ряд других общественных структур предъявляют к человеку свои требования; соответственно в одних и тех же условиях один и тот же поступок индивида может рассматриваться как выполнение общественных предписаний или как отклонение от них (девиация)¹. Понятие «норма» до сих пор вызывает большое количество дискуссий и разнообразных интерпретаций. Дать общепризнанное универсальное определение нормы на сегодняшний день невозможно. В общем виде следует отметить, что формирующиеся на индивидуальном уровне в результате накопления жизненного опыта представления о нормальном позволяют людям предвидеть действия окружающих и соответствующим образом строить свое поведение. Социальная структура одновременно ограничивает возможности и создает их. Чем более модель поведения индивида стандартна, типична, тем больше у него шансов на реализацию своих интересов в рамках системы. Подчинение индивида нормам может иметь не только добровольный, но и принудительный характер. Общество стремится оградить себя от негативных последствий, которые может повлечь за собой девиантное поведение, и изобретает для этого различные инструменты принуждения².

Применение опыта социологии в исторических исследованиях показало, что аналогичные суждения правомерны не только по отношению к современности. Судебные дела, документы следствий, жалобы и другие подобные

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда «Zeit-Schiftung».

¹ Downes D., Rock P. *Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking*. Oxford, 1986.

² Олейник А.О. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. М., 2001. С. 1–45.

источники уже не раз давали богатый материал для реконструкции представлений о системе норм, ценностей, отклонений от стереотипов³. Все сказанное заставляет задуматься над некоторыми частными вопросами отечественной истории: насколько совпадали или противоречили друг другу представления о нормальном поведении морского офицера во флотской среде и на правительственном уровне; подчинение каким нормам было добровольным, а каким — немислимо без принуждения, и насколько эффективным было это принуждение; в чем ограничения были наиболее жесткими, а в чем создавали широкий простор для реализации собственных интересов.

Ключевая фраза Морского устава 1720 г., определявшая должность офицера, следовала сразу после вступительной части этого документа: «Как адмирал, так и прочие вышние и нижние офицеры должны охранять со всяким тщанием и ревностью интерес своего Государя и Государства, где ни будут обретаться со врученною им командою, во всяких случаях»⁴. Основными требованиями Морского устава к офицеру являлись неукоснительное исполнение полученных предписаний, соблюдение интересов государства и казны, организация деятельности подчиненных и контроль над ними⁵. На протяжении XVIII в. точка зрения правительства на офицера как на человека, чьи действия всецело направлены на реализацию принятых государем решений, не претерпели изменений.

Однако на практике неукоснительное исполнение целого ряда пунктов Морского устава и последующих постановлений оставляло желать лучшего. Екатерина II относилась к этому факту снисходительно, считая приоритетным результат, а не средства его достижения: «Главный сотрудник Екатерины, по части морской деятельности, граф И.Г. Чернышев был человек усердный, умный, сердечно относящийся к делу начальник, но вместе с тем и уклончивый придворный, не обладавший особенным гражданским мужеством и избегающий огорчать государыню неприглядными картинами печального положения портовых и адмиралтейских магазинов или перечнем беспорядков морской администрации. Подчиненные Чернышеву начальники отдельных частей в большинстве своем действовали по той же системе и с своей стороны по возможности прикрывали таившееся зло»⁶. Добавим к

³ Davis N.Z. Fiction in the Archives. Pardon Tales and their Tellers in the Sixteenth-Century France. Stranford, 1987; Колманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001; Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). Екатеринбург, 2001.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 6, № 3485. С. 3. Здесь и далее в цитатах сохранена орфография источника.

⁵ Там же. С. 2-116.

⁶ Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. СПб., 1893. Вып. 1. С. 279.

этому, что последние не просто молчали о существовавших недостатках, но и активно использовали их в собственных интересах. В условиях глубоко укоренившегося произвола на местах ужесточение правительственного курса, направленного против различных злоупотреблений, становилось исторической необходимостью. Толчком к переходу от попустительства к целенаправленной политике «наведения порядка» в морском ведомстве стала смена императоров на российском престоле.

В конце XVIII в. начинается усиленная борьба за ограничение свободы передвижений и отпусков офицеров, неупотребление труда подчиненных в личных целях, ношение мундира. Все эти правительственные начинания наталкиваются на сопротивление моряков. До павловского царствования все они пользовались относительно широкой свободой передвижения. Отлучка из Кронштадта в Санкт-Петербург была делом вполне обычным, не требовавшим специального разрешения вышестоящих чинов. Запоздалая явка из отпуска была также распространенным явлением и не влекла за собой серьезных последствий. В декабре 1796 г. император Павел I издал указ, «...чтобы флагманы и капитаны равно и офицеры от своих команд не отлучались и не ездили из Кронштадта в Петербург, а из Петербурга в Кронштадт, равно и в другие порты, не испросив дозволения»⁷. Далее последовала серия указов об отставке не явившихся в срок к своим командам офицеров, завершавшаяся предписанием «всех из увольняемых в отпуск штаб- и обер-офицеров... кто учинит просрочку, сажать под арест и содержать столько времени, сколько кто просрочит, выключая при том жалованье не токмо за время отпуска, но и за просрочку и нахождение под арестом»⁸. 1797 год отмечен появлением двух видов документов, редких в прежнее время, за высочайшим подписанием: об отпусках (в том числе позволениях отлучиться на несколько дней из Кронштадта в Петербург) и о наказаниях не явившихся вовремя из отпусков офицеров. Со смертью Павла I подобные документы не исчезают, что свидетельствует о продолжении правительственного курса. На ужесточение дисциплины офицеры отвечают своеобразным протестом. Общей практикой становится продление отпусков через официальные прошения, в которых служащие чаще всего мотивировали необходимость увеличения срока «приключившейся болезнью». Вследствие этого явления сокращались возможности предоставления отпусков их сослуживцам, ожидавшим своей очереди. Некоторое время положения павловского указа об аресте просрочивших явку проводились в жизнь, но после убийства императора в марте 1801 г. о нем предпочли «забыть». В 1810 г. Александр I издал два указа (7 апреля и

⁷ Письмо генерал-адъютанта Кушелева адмиралу А.Н. Сенявину. 10 декабря 1796 г. // МИРФ. СПб., 1902. Ч. 16. С. 23.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 227, оп. 1, д. 64, л. 117.

27 октября), «...дабы офицеры по прошествии сроков непременно являлись к своим командам и отсрочек не просили»⁹. При подаче просьбы об отсрочке по «болезням или чрезвычайным случаям» они теперь должны были предоставлять «свидетельствы». Одновременно было подтверждено, что просрочка явки из отпуска по-прежнему повлечет за собой арест и вычет жалования. Сведений о реализации этих постановлений после их издания не обнаружено, что можно расценивать как ослабление борьбы с подобными нарушениями дисциплины.

В качестве второй «арены борьбы офицеров за свои права» следует назвать использование труда подчиненных в личных целях. Правительство Екатерины II было осведомлено, «что у разных того (морского. — Е. Л.) департамента вышних и нижних чинов бывает не малое число матросов и солдат морских в услугах и по домам городским и загородным», но считало необходимым бороться с этим явлением посредством особых указов только в военных условиях¹⁰. В остальное же время подобная практика процветала, не становясь источником неприятностей для кого бы то ни было, но и не без ущерба казенных интересов. С приходом к власти императора Павла I снисходительное отношение к использованию офицерами труда подчиненных в личных целях исчезает. За период с 1796 по 1801 г. было издано не менее пяти указов, запрещающих злоупотребления данного типа. Причем каждый раз очередные правительственные мероприятия по борьбе с этим явлением наталкивались на сопротивление офицерского корпуса как единой корпорации. Многочисленные выговоры Павла I не возымели должного действия. В 1802 г., уже после его смерти, Адмиралтейств-коллегия встала на сторону командного состава. Внимание правительства к вопросу об употреблении «казенных служителей в партикулярные услуги офицеров» было привлечено в результате следствия о самоубийстве капитан-лейтенанта Ф.-Д. Бонга, в ходе которого стало известно, что у покойного, в соответствии с распоряжением его непосредственного начальника и вопреки всем законодательным актам, был матрос «вместо денщика». Рассматривая казус, члены Адмиралтейств-коллегии обратились к императору с просьбой оставить все как есть, «...дабы состоящая в ведомстве ея чиновники, имеющие право на получение денщиков, коих до рекрутского набора определить неоткуда, не претерпевали самой крайней нужды, исправляя работы, неприличные офицерскому чину, и оставаясь без всякаго призрения в болезни»¹¹. Царь пошел на уступки, и преследования прекратились, не начавшись. Привычная

⁹ РГА ВМФ. Ф. 227, оп. 1, д. 105, л. 285; д. 107, л. 37.

¹⁰ Высочайший указ графу Чернышеву. 4 июня 1790 г. // МИРФ. СПб., 1893. Ч. 14. С. 95–96.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 227, оп. 1, д. 83, л. 69.

для тех времен ситуация характеризуется как нельзя более ярко жалобой лейтенанта Федора Ивановича, героя воспоминаний В.И. Даля: «Доведется пробыть лето на берегу — пяти человек нельзя выслать на покос, людей нет, все у командира на ординарах»¹².

Третьим «камнем преткновения» во взаимоотношениях офицеров армии и флота с правительственными кругами было обращение первых с рекрутскими партиями. Известны примеры судебных дел, начатых по причине «дурного привода рекрут»¹³. Выяснялось, что многие новобранцы бежали, умерли в дороге или оставлены по болезни в деревнях. За этими потерями нередко скрывались отпуск «новобранцев» домой (за выкуп) или продажа их как крепостных. Все приведенные примеры относятся к царствованию Павла I. В более ранний период широко распространенная практика получения подобных побочных заработков не имела негативных последствий для офицеров. Начало борьбы против нее связано с указом, отданным при пароле, 12 января 1798 г.: «...за всякаго же бежавшаго рекрута взыскивать с офицера двухнедельное жалованье; естли же окажется также умерших рекрут со ста более одного, то и за таковых излишних взыскивать с офицеров двухнедельное жалованье»¹⁴. С восшествием на престол Александра Павловича политика по искоренению злоупотреблений данного рода была прекращена — судебно-следственных дел в морском ведомстве по ним не встречается.

Русские императоры, как известно, не равнодушные к блеску военных парадов, настаивали на четком соблюдении предписаний, касавшихся формы служащих в армии и флоте. Но эти предписания были не в силах повлиять на порядок, привычный на море. Как в екатерининское время «никому не казалось странным, что контр-адмирал Палибин появляется на шканцах в шлафроке, розовом галстуке и в белом ночном колпаке»¹⁵, так и об одном из офицеров первой четверти XIX в. В.И. Даль пишет: «Форма стесняла его до некоторой степени на берегу, но в море он управлялся с нею по-своему: я не помню его на вахте иначе, как в куртке с шитым воротником, то есть в мундире с отрезанными полами, и в круглой шляпе с низкою тульей»¹⁶.

¹² Даль В.И. Два лейтенанта (очерк) // Морской сборник. 1857. № 2. С. 213.

¹³ [Указ о начале следствия по делу мичмана Саблина. 17 февраля 1798 г.] // РГА ВМФ. Ф. 227, оп. 1, д. 65, л. 147; [Указ о начале следствия по делу морской артиллерии лейтенанта Позденина. 7 мая 1798 г.] // Там же. Д. 66, л. 21; [Указ о начале следствия по делу адмиралтейской роты поручика Самойловича. 20 сентября 1798 г.] // Там же. Д. 67, л. 52; [Указ о начале следствия по делу капитан-лейтенанта Момбили. 6 февраля 1800 г.] // Там же. Д. 72, л. 120; [Указ о начале следствия по делу капитан-лейтенанта Адамса. 12 февраля 1800 г.] // Там же. Л. 140.

¹⁴ ПСЗ РИ. Т. 25, № 18319. С. 27–28.

¹⁵ Доценко В.Д. История российского флота // Морской альманах. СПб., 1993. Вып. 2. С. 33.

¹⁶ Даль В.И. Два лейтенанта... С. 203.

Похожую картину рисует П.П. Свинын: «Первый шаг в кают-компанию нашу должен, полагаю я, поразить удивлением всякаго, сколько разнообразием костюмов, не менее контрастами занятий и упражнений»¹⁷. Только на берегу могли возникнуть судебные дела о поручике Семёнове, который был разжалован в канониры «за имение не по форме мундира» (1801 г.)¹⁸; об аресте лейтенанта И.Г. Дунилова и мичмана А.М. Урывкова (за то же преступление, 1803 г.)¹⁹. Все упомянутые здесь в качестве примеров военно-судебные дела относятся к царствованию Александра I, и в этом случае его следует признать продолжателем дела своего отца, а не «в Бозе почивающей августейшей бабки». Невыполнение обещаний и крушение надежд на ослабление дисциплины отмечает в своих записках и один из современников: «Те же по военной службе приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюдения, вахт-парады, экзерциц-гаузы, шлаг-баумы и проч. и проч.; таж раздача орденов лекарям и монахам. Одним словом, павлово царствование, хотя не с такою строгостию... еще продолжалось»²⁰.

Так с переменным успехом шла борьба за повышение уровня дисциплины в русском флоте, который на протяжении рассматриваемого периода постепенно переставал играть решающую роль во внешней политике, становился вспомогательной силой и приближался к периоду своего упадка.

Возвращаясь к социальным теориям, следует сделать вывод о несоответствии практики повседневной жизни нормам, навязывавшимся официальной властью, т. е. о наличии «конфликта регулирования». Подобное положение дел не было выгодно ни субъектам, ни объектам управления. Первых он ставил перед необходимостью дополнительных издержек на поддержание и исполнение институциональных требований, что приводило к ограничению возможностей государства в целом; вторые оказывались перед сложной дилеммой выбора между двумя противоречивыми стереотипами поведения. Ж.-Д. Рейно выделил три варианта разрешения противоречий: восстановление демократического участия управляемых в процессе управления, разделение сфер контроля между официальными и неофициальными структурами и признание независимости разных концепций нормы. В контексте тематики настоящего исследования наиболее правомерно говорить о выборе последней стратегии: «Люди не чувствуют себя способными воздействовать на правительство, но и правительство, в свою очередь, обладает очень ограниченными возможностями повлиять на действия людей»²¹. Действительно,

¹⁷ Свинын П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818. Ч. 2. С. 114.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 227, оп. 1, д. 77, л. 83; д. 87, л. 7.

¹⁹ Там же. Ф. 132, оп. 1, д. 1410, л. 60.

²⁰ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 85–86.

²¹ Цит. по: Олейник А.О. Тюремная субкультура в России. С. 45.

организовать тотальный контроль над людьми, чья профессиональная деятельность связана с постоянными передвижениями и управленческой деятельностью, практически нереально. Возможность же оказывать влияние на принимаемые правительством решения имели лишь немногие морские офицеры, в то время как остальные были вынуждены постоянно выбирать и маневрировать между спонтанно вырабатываемыми и добровольно применяемыми неофициальными нормами и требованиями законодательства.

Таким образом, правительственный идеал поведения морских офицеров не всегда соответствовал представлениям о норме, сложившимся во флотской среде. Эта разница современникам была очевидна, и в делопроизводительной документации воспроизводился требуемый стереотип: «поведения хорошего», «по службе своей знающий (рачительный, хороший, расторопный) офицер», «понуждения по службе не требует», «в хозяйстве хорош», «пьянству и игре не предан»²² — в таких формулировках строился типичный «аттестат» добропорядочного офицера. Для правительства эти фразы означали неукоснительное выполнение законодательных предписаний; для составителей — нечто иное. В качестве характерного примера можно привести слова генерал-майора Жохова 2-го, который в перебранке грозит своему подчиненному, что если тот останется «в его команде, то знает как его аттестовать»²³. В зависимости от обстоятельств последствия реализации этой фразы колебались от выговора до отставки. Субъективность большинства характеристик не была секретом для властных структур. Сопоставляя несколько аттестаций одного обвиняемого, члены Аудиториатского департамента приходят к выводу о том, что «...аттестовал безпокоиным и грубым противу начальства... по видимому... по одному пристрастию или имея личное каковое-либо не по службе на него неудовольствие»²⁴. То есть уже тогда осознавались противоречия между представлениями о добропорядочном офицере у правительства и во флотской среде.

Прежде чем перейти к этим различиям, отметим некоторые «точки соприкосновения» двух концепций. Как уже отмечалось, в соответствии с Морским уставом 1720 г., от моряков требовались в первую очередь исполнительность, добросовестное отношение к своим обязанностям, преданность государю. После издания «Манифеста о вольности» (1761) и «Жалованной грамоты дворянству» (1785) не только правительственные круги продолжали

²² РГА ВМФ. Ф. 406, оп. 7, л. 52, 55, 59, 62–63.

²³ Протоколы заседаний Генерального кригсрехта. 15 февраля 1805 г. Дело лейтенанта Сахарова // РГА ВМФ. Ф. 33, оп. 1, д. 5, л. 17.

²⁴ Дело флота о лейтенанте Богданове (О претензиях личного состава к командиру Вильмонстрандского порта капитану 1 ранга М.Д. Роде). 3 февраля 1808 г. — 5 марта 1823 г. // Там же. Оп. 2, д. 511, л. 1012 об.

считать смыслом существования привилегированного сословия несение государственной службы, но и сами дворяне рассматривали свой долг перед монархом и Отечеством в качестве общепризнанного способа самоутверждения в «благородном» обществе. Чин использовался в качестве «мерила» достоинства человека не только на официальном уровне, но и на уровне повседневного восприятия. Не случайно вопросы службы занимали преобладающее место среди тем переписки и чрезвычайно волновали как беспоместных дворян, вынужденных жить на жалование, так и представителей аристократии, для которых несение службы не было вызвано материальной необходимостью²⁵.

Практические навыки в области морского искусства высоко ценились как в самой флотской среде, так и вне ее. При этом моряки нередко противопоставляли практику «ненужной» теории: «Слово *теорик* (курсив источника. — Е. Л.) было у него самою укорищенной бранью и означало никуда не годного офицера»²⁶. Д.И. Завалишин вспоминает о впитавшем в себя дух екатерининской эпохи М.П. Лазареве: «...все человеческое достоинство, по его понятиям, заключалось в том только, чтобы быть отличным моряком»²⁷. Высокий уровень владения практическими навыками, точное исполнение предписаний, по мнению вышестоящих офицеров (которое, скорее всего, не совпадало с мнением членов Адмиралтейств-коллегии и других высокопоставленных лиц), давали подчиненным широкую свободу действий в не связанных с непосредственным исполнением приказов сферах: «...я с первого же шага на флот встретил с неописанным изумлением и горестию это не постижимое для меня буйство, невежество и праздношатание. Впрочем, на службе они были, что называется, молодцы; и потому начальство вовсе не обращало на них внимания: лишь бы были исправны и послушны; а там хоть что хочешь!»²⁸

Но из этого вовсе не следует вывод об абсолютной вседозволенности офицеров за рамками исполнения служебных обязанностей. Основное требование офицерского общества к своим членам, чаще всего встречающееся в записках и дневниках, — это соблюдение чести. «Если люди отступились от драгоценнейшего из своих прав и сокровищ — от чести, если она не в безопасности от посягательства, зачем им прочее? Можно ли жить, когда уязвлена честь?» — задает вопрос П.В. Чичагов²⁹. Ему вторит Е.А. Кушелев:

²⁵ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999. С. 64–69.

²⁶ Даль В.И. Два лейтенанта... С. 203.

²⁷ Завалишин Д.И. Воспоминания. М., 2003. С. 69.

²⁸ Баласогло А.П. Из показания // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953. С. 571–572.

²⁹ Чичагов П.В. Записки. М., 2002. С. 49.

«Человек, рожденный с достойным человека качеством, честью, еще более ко благу общему при рождении назначенный, не может жить без оной»³⁰. Понятие чести требует к себе особого внимания. В наши дни исследователи дают различные его объяснения, что не удивительно, так как в современном мире это понятие не имеет такого высокого значения в широких социальных слоях, какое ему было присуще несколько столетий назад; эволюционировали и представления о репутации, престиже, способах утверждения статуса человека в обществе.

Обратимся к источникам личного происхождения в поисках смыслового наполнения термина «честь». Вряд ли следует ожидать прямого и однозначно точного ответа на данный вопрос. «Определение чести как будто и не требовалось, поскольку нормы правильного поведения были общеизвестны», — пишет Н.Ш. Коллманн о московском государстве XVI–XVII вв.³¹ В XVIII столетии отмеченный исследовательницей изъясн (и в законодательстве, и в литературе) был отчасти исправлен, благодаря чему при изучении вопроса на более позднем материале историк имеет возможность обратиться к теоретическим построениям людей той эпохи. Вместе с тем может оказаться проблематичным разведение авторского взгляда и суждений, характерных для общества того времени. «Приметой времени» Е.Н. Марасинова называет «потребность уловить ускользающий смысл некоторых терминов». Анализ эпистолярных материалов приводит историка к выводу о тесной связи понятия «честь» с понятием «совесть». Обе категории рассматривались в качестве внутренних регуляторов поведения, как особое достояние личности. Противопоставлялись чести богатство, положение в свете, чин, благополучие, счастье³². Дополним концепцию Е.Н. Марасиновой, выработанную на основе изучения эпистолярных источников, некоторыми наблюдениями, почерпнутыми из записок и воспоминаний морских офицеров.

В качестве основы, на которой формируется представление об индивидуальной чести, адмирал П.В. Чичагов называет личную свободу. Честь под его пером предстает как нечто вечное, не подверженное старению или обновлению, самое дорогое сокровище, которым может обладать человек. Вместе с тем это синтез непреходящего, высокого и суетных страстей, тщеславия, корыстолюбия, присущих каждому человеку: «Истинное сознание чести должно быть тесно связано с причиной неизменной, вечно почтенной, равно как и с благодеянием, спасением, любовью к отечеству, народной славой, ибо все эти чувства самые прочные и долговечнейшие из всех чувств человеческих»³³.

³⁰ Всеподданнейшее прошение генерал-кригс-комиссара Кушелева. 18 декабря 1802 г. // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 124.

³¹ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. С. 77.

³² Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства...

³³ Чичагов П.В. Записки. С.18–19.

Но бескорыстные порывы патриотизма, по его мнению, должны поощряться чинами, орденами, «премиями» и другими знаками благодарности со стороны правительственных кругов; соотечественники должны знать своих героев и воздавать им долг уважения³⁴. Похожие мысли высказывались и молодыми моряками. Например, А.П. Баласогло после окончания русско-турецкой войны 1828–29 гг. писал: «Каждому офицеру досталось за весь поход этого года по крайней мере по две и по три награды; а нам — ни нуля... Это смутило меня на целый месяц, я бродил, как шальной... Наконец, передумав и переживав на целые годы вперед, очнулся от своей меланхолии человеком совершенно и вполне освободившимся от всякого честолюбия и веры в справедливость раздаваемых отличий и наград»³⁵. Е.Н. Марасинова в целом отмечает острое эмоциональное восприятие дворянами той эпохи всех событий, связанных с их служебной карьерой, а также общепризнанность тезиса о том, что бескорыстное служение высоким идеалам должно вознаграждаться государством³⁶. В литературных произведениях адмирала А.С. Шишкова акцент на формальных доказательствах достоинства офицера исчезает. Он считает, что моряк должен обладать отчаянной смелостью, непримиримостью в борьбе против врагов России, гордостью и независимостью. Этим качествам противопоставляются тщеславие, интриганство, трусость, подхалимство и безнравственность³⁷. Однако если обратиться к запискам того же автора, то несложно заметить, что он, как и многие его современники, считал немаловажным формальное признание заслуг офицера перед Отечеством, награды чинами, орденами и т. п. Он же приводит несколько весьма примечательных в свете обсуждаемой проблемы сюжетов, когда морские офицеры считали себя глубоко оскорбленными, лишенными чести из-за того, что их обошли при производстве в чины³⁸.

Идея утверждения индивидуальной чести через беззаветное служение Отечеству и военные подвиги отвечала интересам государства. Но возможности ее практической реализации были ограничены двумя вполне естественными факторами. Во-первых, войны не были непрерывными; во-вторых, невозможно было предоставить каждому офицеру шансы для макси-

³⁴ Чичагов П.В. Записки. С. 18–50.

³⁵ Баласогло А.П. Из показания.

³⁶ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С. 76–78.

³⁷ Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1818–1839. Ч. 1–17. Анализ некоторых его произведений см.: Меркулов И.В. «Благодеянии приобретают сердца»: драматический опыт А.С. Шишкова // Студенческое научное общество исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета: Сб. науч. ст. студентов. СПб., 2002. Вып. 1. С. 126–146.

³⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка... Т. 1. С. 60–94.

мальной самореализации — неизбежно кому-то приходилось выполнять второстепенные функции. На практике это означало, что реализация описанного адмиралом П.В. Чичаговым понимания чести доступна лишь людям, имеющим высокий чин, тем, кому поручается проведение ответственных операций, а также немногочисленным «счастливицам», которым удалось отличиться в ходе боевых действий. Вместе с тем наличие этого качества было элементом, необходимым для всех без исключения представителей привилегированного сословия. Над этим вопросом задумывались не только историки, но и современники.

Идеологи российского дворянства в результате дискуссии второй половины XVIII в. пришли к выводу о том, что кодекс дворянской чести не должен включать в себя заурядные общепринятые добродетели. «Мещанская честность» и офицерская честь противопоставляются друг другу; и вторая ставится несоизмеримо выше первой. Она подразумевает рыцарство, безоглядное утверждение собственной исключительности, постоянный риск, готовность в один момент потерять или приобрести все³⁹. Подобающее офицерской чести поведение в своей среде трактуется в духе высоких идеалов и не содержит целого ряда требований, предписываемых ей властями. Так, в делах о привлечении к ответственности за поступки, «неприличные чести офицерской», речь идет о «неимении по форме мундира», пьянстве, драках. Об отношении к первому требованию уже говорилось. О втором скажем, что спиртное было неотъемлемой частью ежедневного «порциона», а Д. Ливен приводит свидетельство о том, что «неумеренное пьянство считалось обрядом принятия в клан для молодых офицеров, особенно в России»⁴⁰. Названные разночтения в трактовке понятия чести коренятся в тех целях, к которым стремились представители правительственных кругов и флотской среды. Как показывает в своей монографии Н.Ш. Коллманн, для индивидуумов честь была средством укрепления социального статуса, а для государства — средством достижения социальной стабильности⁴¹. И хотя хронологические рамки этого исследования ограничены началом XVIII в., такое суждение представляется правомерным и для более позднего периода.

Понимание офицерской чести было тесно связано с представлениями о собственной исключительности. Возраставшие на протяжении почти всего XVIII в. привилегии высшего класса способствовали укреплению мнения дворянства о своем особом значении в русском обществе. Подобные суждения были свойственны как сословной группе в целом, так и отдельным ее

³⁹ Парчевский Г.Ф. Карты и картежники. Панорама столичной жизни. СПб., 1998. С. 92.

⁴⁰ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 184.

⁴¹ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. С. 64.

представителям. Если в более широких слоях населения (прежде всего среди крестьян и мещан) поведение, отклоняющееся от довольно жестко определенного стандарта, подвергалось резкому осуждению со стороны окружающих⁴², то для дворян, и особенно для молодых, была характерна «бравата самобытности». Не только сословие должно быть исключительным, но и каждый его член, если он не хочет сливаться с серой толпой, если он действительно достоин своего статуса, должен постоянно подчеркивать свою необычность.

Это стремление могло приобретать самые разнообразные формы. «То было время оригиналов», — вспоминает о морских офицерах рубежа XVIII–XIX вв. Тридечный. Например, М.А. Колокольцов удивлял сослуживцев высокими ботфортами, треуголкой и тростью, с которыми никогда не расставался; предметом пересудов были демонстративно формализованные взаимоотношения братьев Фондезиных⁴³. Образ человека, главная цель которого состоит в том, чтобы «жить и умереть не так, как обыкновенные люди», нашел свое отражение в романтическом герое русской литературы XIX в.⁴⁴ Безрассудная смелость в бою, в азартной игре, на дуэли, дерзкое поведение — это одновременно вызов той части общества, которая не способна на такое, и желание доказать собственную исключительность, т. е. одна из составляющих самоутверждения в соответствии с представлениями о дворянской чести. Однако на первом месте в иерархии составляющих дворянской чести, безусловно, должны были стоять доблесть, мужество, самоотверженность, проявляющиеся в боевых условиях; на втором — символы, по которым посторонний человек сможет узнать героя, — ордена, наградное оружие и другие знаки отличия. Только разувверившись в возможности получить возделенные поощрения и выделиться через добросовестное исполнение служебных обязанностей офицеры искали иные пути проявления чести.

В дополнение к сознательным стремлениям представителей рассматриваемой социальной группы, необходимо отметить некоторые характеристики понятия «честь», которые были для современников как бы само собой разумеющимися, возможно, неотрефлексированными правилами повседневной жизни. Согласно разработанной Т. Вебленом теории праздного класса, любые занятия, кроме военной деятельности, участия в государственном управлении, спорта и развлечений, были недостойны привилегированных особ и грозили замарать честь людей, рискнувших отойти от подобающего их поло-

⁴² Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX в. М., 1986.

⁴³ Тридечный [б.и.]. Несколько словечек на «Несколько слов моим сослуживцам» // Морской сборник. 1857. № 4. С. 97–98.

⁴⁴ Хлопин А. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 58.

жению стереотипа поведения. «Запрещенными приемами» самоутверждения в обществе и доказательства собственной неординарности были, например, занятия ремеслом, торговлей, внедрение передовых технологий сельского хозяйства в своем поместье и ряд других⁴⁵.

Таким образом, следует подчеркнуть, что русское дворянство к концу XVIII в. восприняло насаждавшиеся еще Петром I идеи «в высокой степени индивидуализированной» чести. Храбрость, владение знаками отличий, гордость, самостоятельность суждений и поступков были присущи в большей мере индивидууму, чем группе, к которой он принадлежал. Е.Н. Марасинова, связывая понятие чести в первую очередь с совестью и нравственными качествами человека, также делает вывод о его индивидуализации⁴⁶. Вместе с тем нельзя безоговорочно принять тезис автора о том, что новые представления полностью вытеснили «старомосковское» понимание коллективной чести, ставшей предметом исследования Н.Ш. Коллманн. Анализ общественных отношений XVI–начала XVIII в. показал, что люди в то время придавали исключительное значение своей принадлежности к семье, социальной группе, населению того или иного региона, системе патроната или договора; и защищали не столько индивидуальную честь, сколько честь своей группы⁴⁷.

Морским офицерам рубежа XVIII–XIX вв. подобные представления также не были чужды. В.Е. Морихин в противоположность Е.Н. Марасиновой делает вывод о возрастании корпоративного духа в офицерской среде начала XIX столетия⁴⁸. Те из морских офицеров, кто стал автором записок или воспоминаний, предпочитали начинать с рассказа о своей родословной и о семье⁴⁹. Воспитание в Морском Шляхетном кадетском корпусе подавляющего большинства служивших во флоте способствовало формированию представлений о единстве и корпоративности командного состава. Правда, единство это было весьма общим и непрочным. Оно легко распадалось сначала на уровне флотов и дивизий, затем на уровне отдельных судов и портов. Осо-

⁴⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 57–72, 280–310.

⁴⁶ Марасинова Е.Н. Понятие «честь» в сознании российского дворянина (последняя четверть XVIII века) // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-кор. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 285–286.

⁴⁷ Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. С. 60–321.

⁴⁸ Морихин В.Е. Традиции офицерского корпуса русской армии XIX–начала XX веков: исторический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁴⁹ Мордвинов С.И. Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868; Чичагов П.В. Записки; Завалишин Д.И. Воспоминания; Баласогло А.П. Из показания. Возможно, это явление объясняется тем, что большинство записок создавалось в качестве своеобразных наставлений потомству. Но из этого не следует вывод о низком уровне актуальности фамильной дворянской чести; речь может идти лишь о снижении актуальности по сравнению с предыдущим периодом.

бенно ярко противопоставление членов экипажа одного фрегата «всем остальным» описано у Д.И. Завалишина. Необходимость длительного нахождения в узком коллективе служащих определенного судна усиливала чувство товарищества и самоидентификации офицера как человека, чья судьба связана с этим кораблем (фрегатом и т. д.). Система личных связей, дружбы или патроната, складывавшаяся в стенах учебного заведения, на службе или на основе родственных связей, заставляла ее участников осознавать себя в качестве членов того или иного круга.

Возвращаясь к нормам повседневного поведения морских офицеров, отметим, что азартные игры, так же как дуэли, были явлением чрезвычайно распространенным, официально осуждаемым и запрещенным, но не преследуемым. Во второй половине XVIII столетия карты приобрели большую популярность в русском обществе⁵⁰. Карточная игра предстает вполне обычным способом времяпрепровождения членов кают-компании в воспоминаниях П.П. Свинына⁵¹. Д.И. Завалишин, которого, правда, не один раз упрекали в искаженном, приукрашенном изображении действительности, упоминает о единодушном запрещении карт в неформальном порядке на фрегате «Крейсер» как о нетипичном явлении⁵². Но формально законы, предусматривавшие за участие в азартных играх различные виды наказаний, не утрачивали своей силы, и ни в одном аттестатном списке (включая «дурные») конца XVIII—начала XIX в. нет записи о том, что офицер был когда-либо замечен за этим занятием. Впрочем, это неудивительно. Стоило указать на пристрастие одного офицера к карточной игре, как естественным образом возникал вопрос о партнере. Сохранились сведения только о единичных случаях судебных разбирательств по подобным вопросам. Комиссар 14-го класса Н. Матвеев проиграл 4 760 рублей из доверенных ему казенных денег. Вместе с ним под суд попал и второй участник игры⁵³.

Особый смысл при ближайшем рассмотрении приобретают слова о рачительности морского офицера. Для примера рассмотрим следственное дело о столкновении кораблей «Сысой Великий» и «Пармен». Авария произошла в ходе кампании 1793 г. В результате следствия по данному делу капитаны обоих судов были признаны в равной степени виновными. Командовавший кораблем «Сысой Великий» А.А. Жохов, как было установлено, «лег спать и тем самым допустил произойти в сем беспорядок, как в незаконной смене вахты, так и в сближении с кораблем Парменом». Аналогично поступил и

⁵⁰ Парчевский Г.Ф. Карты и картежники.

⁵¹ Свинын П.П. Воспоминания на флоте. Ч. 2. С. 114, 249.

⁵² Завалишин Д.И. Воспоминания. С. 83.

⁵³ Статейные ведомости комиссии военного суда при гребном флоте. 30 января—2 декабря 1804 г. // РГА ВМФ. Ф. 212, оп. 1, д. 426, л. 29.

капитан другого судна, К.И. Гревенс, который «решился сам взять отдых». Ситуацию усугублял тот факт, что события разворачивались в «узком месте», в шхерах, чего не могли не знать опытные в морском деле командовавшие обоими судами. Тем не менее оба они положились на своих подчиненных в непростом деле прохода кораблей. Единственный из подчиненных им офицеров, который, согласно мнению следствия, «исполнил свою должность», был лейтенант корабля «Пармен» Г.П. Всеволожской. Будучи на вахте, он увидел, что ситуация становится опасной, сообщил капитан-лейтенанту В. Мофету о приближении корабля «Сысой Великий» и настаивал на докладе капитану. В. Мофет, однако, не желая беспокоить своего начальника по столь маловажному поводу, «думал на удачу пройти на ветре».

Ситуация на корабле «Сысой Великий» выглядит еще более странной. Кажется, что офицеров его в опасный момент менее всего волновала проблема сохранения судна. Капитан-лейтенант Миллер, которому было поручено командование корабля во время лавирования, сошел со шканцев, после чего не ведал о происходившем на корабле до момента столкновения. В это время лейтенант И. Селиванов до окончания отведенных часов вызвал своего товарища и сдал ему вахту. В последние минуты несения вахты он, вероятно, просто не обратил внимания на приближавшийся к их судну корабль. Заступивший на его место М.Г. Головня быстро понял, что столкновение уже практически неизбежно, и стал разворачивать корабль. В результате удар получился более сильным, чем он мог бы быть в случае столкновения кораблей бортами⁵⁴.

Итак, пятеро из семи привлеченных к ответственности по делу офицеров в момент проведения кораблей через шхеры отдыхали. С большой степенью вероятности можно утверждать, что авария заставила следствие зафиксировать положение, обычное с точки зрения быта на корабле и ненормальное с официальной точки зрения. Ряд фактов свидетельствует о том, что под следствие попали далеко не худшие офицеры своего времени. Во-первых, действие разворачивалось в Балтийском корабельном флоте, служба в котором была более престижной. Во-вторых, все привлеченные по делу офицеры были заслуженными, опытными моряками, участниками последней войны со Швецией. Наконец, сама мягкость приговора комиссии военного суда и Адмиралтейств-коллегии за халатное отношение офицеров к своим обязанностям (понижение одним чином на шесть месяцев) свидетельствует о том, что подобные нарушения не считались тяжким преступлением. В дальнейшем приговор не был утвержден, и для службы всех привлеченных по делу о столкновении кораблей «Сысой Великий» и «Пармен» нахождение под судом не имело решающего значения. (Например, капитан корабля «Пармен»

⁵⁴ Журналы Адмиралтейств-коллегии. 30 июня 1794 г. // МИРФ. Ч. 14. С. 470—471.

К.И. Гревенс был впоследствии награжден орденами Св. Анны, Св. Владимира и Св. Георгия.)

В эпоху Великих реформ люди стали задумываться о причинах неудач в Крымской войне, искать пути совершенствования системы. В частности, стали вспоминать, чем занимались офицеры на кораблях, что в их поведении могло послужить причиной различного рода неприятностей. Рассуждения об этом опубликованы на страницах журнала «Морской сборник»; они нередко совпадают с картиной, которую зафиксировало следствие на кораблях «Пармен» и «Сысой Великий» в момент аварии. «Когда капитан в каюте, то и старшего офицера наверху не *обретается*; он или очень спокойно *кейфует* (курсив источника. — Е. Л.) в кают-компани с сигарой в зубах, или играет в шашки с молодыми мичманами, или спит сном праведных в своей каюте. Но зато рассыльные бодрствуют за него; от дверей капитанской каюты и до дверей кают-компани расставлены часовые... это не выдумка, это факт, которому многие из нас были свидетелями», — пишет автор одной из таких статей⁵⁵. Мичман на шканцах считает, что его роль более декоративна, нежели функциональна; все недостатки, на которые ему укажут, он склонен связывать с нерадивостью подчиненных: «это дело матросов»⁵⁶. Офицер появляется в экстремальных ситуациях. Он командует кораблем во время боя, шторма, ответственных маневров. В прочих же ситуациях его поведение на корабле можно сравнить с жизнью праздного барина в деревне; и это не халатность, а широко распространенная норма.

Дежурство на вахте в строгом соответствии с расписанием также является пожеланием Морского устава, но не более того. Отношение офицеров к букве закона в данном случае можно было наблюдать на уже приведенном примере действий И. Селиванова. Разбирая подробности дела о намерении сдать туркам фрегат «Назарет», следствие с возмущением отмечает тот факт, что вахтенные лейтенанты «пошли ужинать, препоруча оную вахту мичману Волынскому» (1809 г.). Однако в конечном итоге вина их была признана малозначительной и не заслуживающей какого-либо наказания, равно как и другие случаи самовольного ухода с вахты и перепоручения обязанностей достаточно компетентному сослуживцу⁵⁷.

Такой же нормой в офицерской среде было и использование труда подчиненных в своих целях, о чем уже упоминалось выше в связи с правительственной политикой по данному вопросу. Отправка на сельскохозяйственные работы не была единственной формой подобной эксплуатации (заметим,

⁵⁵ П. Несколько мыслей об обязанностях старшего офицера на корабле // Морской сборник. 1856. № 1. Часть неофициальная. С. 79–80.

⁵⁶ Там же. С. 72.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 212, оп. 1, д. 759.

однако, что многие офицеры не пользовались такой возможностью из-за отсутствия у них поместий). Характерная картина кронштадтской жизни изображена в доносе «огнедействующей машины ученика» Д. Кондратьева на его начальника полковника Дебринольда: «...а сверх сего... ныне имеет при своем доме для своей корысти мастеровых слугителей до 30 человек и ползуетца всем казенным материалом и делает для продажи разныя вещи»⁵⁸. Широкое распространение имела практика найма моряков частными лицами для выполнения различных работ; офицеры также получали с этого деньги. Особенно выгодными для них были сделки о денщиках, которые составляли наиболее бесправную категорию военнослужащих⁵⁹.

Здесь уместно рассмотреть явление с точки зрения самих морских офицеров. Дж.П. Ледонн, давая общую характеристику привилегированному сословию, пишет о том, что представления помещика о неограниченности его власти над крестьянами распространялись и на его подчиненных (подопечных) в тех случаях, когда он поступал на государственную службу. Служба, в понимании дворянина, означала наделение полномочиями по контролю населения и потому была почетной, а не обременительной обязанностью⁶⁰. В полном соответствии с данным пониманием своей роли в обществе, а также с военно-правовыми постановлениями представитель командного состава имел практически неограниченную возможность распоряжаться временем и занятиями своих подчиненных; за невыполнение приказаний он мог приговорить их к любому виду наказания, кроме смертной казни. На официальном уровне предполагалось, что состоящий на военной службе дворянин употребляет свою власть во благо отечеству. На практике же никто не мешал офицеру отправить матросов на покос, отдать в услужение частным лицам, заставить их иным образом работать не на государство, а лично на себя. Соблазн подобных предприятий был тем более велик, что во флоте служили

⁵⁸ Дело об утверждении приговоров суда над полковником Дебринольдом, осужденным за использование лошадей и рабочих для личных целей и расхищение казенных материалов, над вахтерами Васильевым, Борисовым и подмастерьем Смирновым, осужденными за выдачу материалов, и над учеником Кондратьевым, осужденным за донос. 13 марта–23 мая 1798 г. // Там же. Д. 341, л. 2.

⁵⁹ Дело о привлечении к суду офицеров за посылку денщиков на частные работы и капитана Носова за драку. 11–16 февраля 1801 г. // Там же. Д. 386, л. 1; о положении денщиков см.: Карпущенко С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII–начала XX века. М., 1999. С. 111.

⁶⁰ LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order 1700–1825. New York; Oxford, 1991. P. 4–7. Данный тезис нашел отражение и в других трудах зарубежных историков; в последнее время он получил некоторое распространение и в отечественной историографии (см.: Бабич М.В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства во второй половине XVIII в. в современной англо-американской историографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1989. № 6. С. 59–70; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства... С. 64).

преимущественно несостоятельные — беспоместные и мелкопоместные — представители дворянства, не имеющие, помимо жалования, регулярного источника доходов. Жалование же было невелико, выплачивалось с задержками и, по свидетельству одного из опытных моряков, хорошо знавших быт и нравы изучаемого периода, моментально пропивалось. Поэтому нетрудно представить, что с возвращением в порт для офицеров начиналась «скудная и мрачная жизнь с постоянными заботами о пропитании»⁶¹.

Источником отношения командного состава к матросам как к крепостным был не только дворянский и крестьянский менталитет, но и взгляд правительства на вопросы взаимоотношений между начальником и подчиненным. Власть офицера на корабле мало чем ограничивалась; как и барин в своем имении, он всецело распорядился своими подчиненными, вплоть до начала XIX в. был волен наказывать их за провинности любым способом, кроме смертной казни. Широкие полномочия также легко могли стать источником правонарушений. Комиссар ревельского госпиталя И. Екимов осенью 1804 г. был под судом по обвинению «в битии госпитальных работников, 4-х человек, из коих один чрез день умер»⁶². Лейтенант А.И. Бахтин провел неделю под арестом «за неосмотрительность в отпуске на таковую работу трех матроз, из коих один жестоко был ранен и от того умер»⁶³. Преждевременная смерть (а также тайные похороны) — случай совершенно особый, который, безусловно, влечет за собой судебное разбирательство с наказанием виновных. Но оба описанных случая произошли в бытовых ситуациях и не имели тяжелых последствий для подсудимых. Телесное наказание своего матроса, работника, крестьянина; отправление его на тяжелую и опасную работу — обычные события повседневной жизни любого офицера. Они происходили каждый день, являлись абсолютно нормальными и с точки зрения офицера, и с точки зрения власти, которая наделяла его соответствующими полномочиями в законодательном порядке.

При описанных обстоятельствах на уровне повседневного мышления трудно провести грань между реализацией своих полномочий и преступлением, граничащим с убийством. В силу того, что служба рядового состава на корабле нередко связана с риском для жизни и здоровья, порой было непросто доказать причастность непосредственного начальника к смерти или увечьям матроса: «...брали как-то один раз какие-то *риффы* (курсив источника. — Е. Л.) и долго закопались, Метлин нарочно делает такой ма-

⁶¹ *Войт В.* Воспоминания и впечатления. Очерки деятельности наших моряков. СПб., 1887. С. 25.

⁶² Статейные списки комиссии военного суда в Ревеле. 10 января–9 ноября 1805 г. // РГА ВМФ. Ф. 212, оп. 1, д. 452, л. 6.

⁶³ [Указ об аресте лейтенанта Бахтина. 7 сентября 1805 г.] // Там же. Ф. 227, оп. 1, д. 93, л. 74.

невр, что сбрасывает матросов с реи; человек 15 падают, кто убит на смерть, кто искалечен, и он тут же объявляет всем матросам, что если будут медленно работать, то всегда будет так делать»⁶⁴. Служивший в середине XIX в. будущий морской министр не был оригинален, а пользовался давно известным и широко употребляемым способом «наведения порядка» в команде.

Не удивительно, что и на официальном уровне преступления, связанные с нанесением побоев подчиненным, не входили в число тяжких и наказания за них не превышали 14-дневного ареста. Яркая эмоциональная окраска в таких делах возникала не в случае проявления особой бесчеловечности к своему работнику, а при каком-либо насильственном действии, совершаемом в отношении «чужого» матроса. Распоряжение о наказании человека, не состоявшего в команде данного офицера, рассматривалось как покушение на власть равного по статусу лица. Оно вызывало бурное осуждение товарищей по службе, вплоть до обращения последних в судебные органы; но с точки зрения официальных властей не заслуживало большего наказания, чем выговор⁶⁵.

Со времен кампании по отмене телесных наказаний появилось мнение, которое затем утвердилось и в советской историографии, — о тирании офицеров и абсолютном бесправии их подчиненных. «Можно бы было составить толстый том всем утонченностям в варварстве, бывшем в Черноморском флоте, и список погибших в них жертв составил бы целый том», — читаем в статье о телесных наказаниях⁶⁶. Действительно, господствовавшие во флоте нравы были далеки от идеала. Однако не следует рассматривать жестокое обращение с нижними чинами в качестве свидетельства о полной незащитности матросов перед лицом офицера, распорядившегося их жизнью и здоровьем по своему капризу. Достаточно сказать, что немало судебных дел было возбуждено по доносам подчиненных на непосредственных начальников. Сообщали о незаконном вывозе товаров из порта⁶⁷, злоупотреблениях по хозяйственной части, незаконно наложенных взысканиях⁶⁸, об использова-

⁶⁴ По поводу «Розги долой» // Колокол. 1860. № 79. 15 авг. С. 660.

⁶⁵ [Дело шкипера Федотова. 1806 г.] // РГА ВМФ. Ф. 132, д. 1533, л. 218–225; Статейные списки комиссии военного суда при Кронштадтском порте. 4 марта–7 декабря 1804 г. [Дело лейтенанта П. Сукрватого] // Там же. Ф. 212, оп. 1, д. 436, л. 62.

⁶⁶ По поводу «Розги долой». С. 560.

⁶⁷ [Дело капитана 1-го ранга Роде. 1807 г.] // РГА ВМФ. Ф. 132, д. 1533, л. 447–448.

⁶⁸ Дело об отставке генерал-майора Козина за наказание работников кошками без решения суда. 19 мая 1802 г.–29 сентября 1805 г. // Там же. Ф. 212, оп. 1, д. 404–405; Дело об утверждении приговора суда над капитан-лейтенантом Рославлевым, осужденным за избивание матросов и пьянство. 17 сентября 1802 г.–30 марта 1803 г. // Там же. Д. 407; Дело о привлечении к ответственности лейтенанта Луковкина за избивание матроса Иванова. 17 декабря 1807 г.–20 января 1808 г. // Там же. Д. 587.

нии труда нижних чинов в личных интересах без какого-либо вознаграждения⁶⁹. Другое дело, что многие из этих жалоб впоследствии признавались необоснованными. Здесь же важно отметить, что голоса «служителей» доходили до чиновников Адмиралтейств-коллегии и меры пресечения принимались. Сами нижние чины считали справедливой суровость существовавших взаимоотношений. На прямой вопрос следствия по обвинению в чрезмерной строгости был получен характерный ответ: «...многие показали, что наперед сего господин полковник Дебринольд обходился с ними строго и часто их наказывал, другия же в то время говорили, что, правда, хотя наказания им и чинены были, но не напрасны, а за делаемя преступлениями»⁷⁰.

Наличие телесных наказаний, жестокость нравов во флоте были оправданы и тем контингентом, из которого формировался рядовой состав. Законодательство XVIII в. за целый ряд преступлений предусматривало наказание в виде записи в военную службу. Исследователи крестьянских общин не раз показывали, что в рекруты в первую очередь отдавали тех, кто «в шалостях... примечены не один уж раз». За ними следовали крестьяне, обвинявшиеся в нахождении ранее в «безрезонных побеггах и оставлении свой дом, жену и детей». Только после исчерпания лимита провинившихся начинался отбор в рекруты по жребию⁷¹. Из-за широкого распространения такой практики потенциальные новобранцы с детства привыкали «...взирать на военную службу, как на жесточайшее несчастье и почти как решительный приговор к смерти. С таковыми чувствами и понятиями вступая в войско, а в продолжение тягостной службы своей... теряют солдаты всякую надежду на счастье в сей жизни, а с тем вместе и возделываются готовыми к последованию дурных примеров и к принятию еще худших советов»⁷².

Приведенные слова П.И. Пестеля весьма точно отражают настроения рядового состава, набиравшегося посредством рекрутчины. Не отличаясь изначально особой законопослушностью и уважением к окружающим, получив за свое поведение одно из самых страшных в крестьянском сознании наказаний, матрос (или солдат) становился в положение человека, которому нечего терять, а потому склонного к различного рода преступлениям. По

⁶⁹ Дело об утверждении приговора суда над полковником Чаплиным, осужденным за использование рядовых для личных нужд. 12 июля 1804 г.—3 апреля 1805 г. // Там же. Д. 442.

⁷⁰ Дело об утверждении приговоров суда над полковником Дебринольдом... Л. 11.

⁷¹ Булыгин И.А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII века (по материалам Пензенской губернии). М., 1966. С. 185; Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981. С. 151–153; Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland. Köln: Böhlau, 1984. S. 145.

⁷² Семевский В.И. Политическая и общественная идеи декабристов. СПб., 1909. С. 579.

наблюдениям Н.С. Мордвинова, именно такие люди оказывались наиболее приспособленными к перенесению всех тягот службы и составляли основу армии и флота: «...большая же часть гибнет тех, которые моложе, чувствительнее, которые доброго поведения и нравов неиспорченных... остаются же в живых большею частью такие, кои за пьянство, воровство и другия дурныя дела от общества или от помещиков отданы»⁷³. Управление несколькими сотнями таких людей было бы чрезвычайно трудной задачей. Не случайно в конце 1850–1860-х гг. проекты реформ об отмене телесных наказаний столкнулись с ожесточенной критикой со стороны морских офицеров. В своих полемических статьях многие из них, апеллируя к опыту практического руководства экипажем и к зарубежным образцам, высказывались о невозможности поддержания элементарного порядка без кошек и линьков⁷⁴.

Возвращаясь к проблеме ограничения произвола морских офицеров, отметим, что приведенные выше примеры доносов подчиненных свидетельствуют о наличии еще одного ограничителя власти начальника. Помимо официального канала выражения своего недовольства, подчиненные пользовались также и запрещенными действовавшим законодательством приемами давления на непосредственных начальников. Д.И. Завалишин описывает эпизод, связанный с требованием рядового состава о высадке с судна одного из офицеров фрегата «Крейсер» в Ситхе. М.П. Лазареву ничего не оставалось делать, кроме как уступить команде⁷⁵. Члены комиссии военного суда охотно верили, что констапель В. Тарновский изменил маршрут следования из Кронштадта в Петербург, вопреки данному ему предписанию, исключительно по причине настоятельной просьбы подчиненных⁷⁶. Первая мысль адмирала Д.Н. Сенявина при появлении в его каюте «всех капитанов кораблей в сопровождении большей части офицеров... в полной форме» была связана со всеобщим негодованием во вверенной ему эскадре⁷⁷. Последний пример особенно красноречиво говорит о распространенности данного явления; его опасались даже такие выдающиеся флотоводцы эпохи, как Д.Н. Сенявин и М.П. Лазарев. Кроме давления подчиненных, настойчивого выражения общего мнения и доносительства одиночек, следует отметить и влияние неформальной иерархии — «неписаной субординации», согласно которой, по словам Л.Н. Толстого, «прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала».

⁷³ Мордвинов Н.С. О новом образе комплектования войск // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 4. С. 40.

⁷⁴ Исторический обзор морского уголовного законодательства во Франции. С. 510–514; см. также: О телесных наказаниях в английском флоте // Морской сборник. 1860. № 2. Смесь. С. 129–132.

⁷⁵ Завалишин Д.И. Воспоминания. С. 95–96.

⁷⁶ Дело морской артиллерии о констапеле Тарновском, обвиняемом в халатном отношении к службе // РГА ВМФ. Ф. 33, оп. 2, д. 577.

⁷⁷ Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч. 3. С. 77.

Современный исследователь данного явления Н.П. Матханова приводит примеры случаев из жизни русских чиновников, когда даже самостоятельные, деятельные государственные служащие были вынуждены серьезно считаться с мнением подчиненных. Тем более не могли рассчитывать на реальную неограниченность власти и подконтрольность всех дел во вверенном округе безынициативные высокопоставленные лица. Особую роль, согласно некоторым наблюдениям автора, играли многочисленные секретари и делопроизводители⁷⁸.

На основании изложенного можно прийти к заключению, что, помимо законодательства и требований, предъявляемых официальными властями, существовали еще два весьма серьезных ограничителя свободы морских офицеров: представления о норме поведения и о приличиях в дворянской среде и требования, предъявляемые со стороны подчиненных. Осознавая основные требования государства по отношению к себе, морские офицеры на официальном уровне стремились им соответствовать. Но в реальности их понимание нормы и образ жизни в значительной мере отличались от диктовавшегося «сверху» стереотипа. Единым для обеих сторон было представление об офицерской чести как о высшей ценности любого дворянина. Однако трактовка этого термина могла варьировать. Большое значение и на правительственном уровне, и во флотской среде придавалось практическим навыкам, высоким профессиональным качествам. Злоупотребления по хозяйственно-административной части, использование труда подчиненных в личных целях, самовольное продление отпусков, азартные игры, употребление алкоголя были частью повседневности во флоте. Борьба правительства с этими явлениями протекала с переменным успехом. В зависимости от общего политического курса меры по выявлению и пресечению злоупотреблений то усиливались, то ослабевали, но изменить привычки поведения и мышления было чрезвычайно трудно.

На основании изложенного можно сделать вывод о наличии «двойного стандарта» в представлениях о «норме» жизни морского офицера. Морские офицеры находились в сложной системе жестких требований, предъявляемых к ним, с одной стороны, непосредственным окружением, а с другой — правительством в виде предписаний как государственным служащим. Ситуации, в которые ежедневно попадал практически каждый представитель командного состава, усложнялись еще и тем, что требования властей в большинстве случаев носили безапелляционный характер. Кроме того, неформальные требования, предъявляемые к члену кают-компании, также пред-

ставляли собой сложную систему предписаний, которые подчас были не менее жесткими, чем законодательные. Например, отказ от участия в организованном непосредственным начальником казнокрадстве мог обернуться не менее тяжкими последствиями, чем игнорирование его приказа, касающегося непосредственного исполнения обязанностей по службе. Переплетения предписаний разного уровня создавали, таким образом, благодатную почву для развития различных правонарушений.

⁷⁸ Матханова Н.П. Формальная и неформальная иерархия губернского чиновничества в России XIX века // «Сибирь – мой край...» Проблемы региональной истории и исторического образования: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 154–167.